

Йенс Зигерт. руководитель программы *Общественная дипломатия. ЕС и Россия 1968 года на востоке и западе Европы: дискурс гендерного равенства в контексте культурной модернизации*

Старый Запад в 60-е годы или в 68-м году пошел на ускоренный режим модернизации. Советский социалистический Восток не был в состоянии следовать за модернизационным прорывом Запада. На капиталистическом Западе происходило огромное ускорение социальной революции, в результате чего изменились, во-первых, отношения между государством и индивидуумом, во вторых, это отношения между женщинами и мужчинами. То, что женщина из объекта стала субъектом, произошло на Западе в большей степени, чем на Востоке. В то же время на Востоке Европы и в России тоже произошло очень сильное и заметное изменение женской роли.

Проблема же заключается в том, что на Востоке Европы и в России мужчины почти не изменились. Напротив, на Западе они изменились очень сильно. Если посмотреть на героев 68-го года, поведение этих мужчин было еще очень традиционным. Сейчас это уже далеко не так.

Наверное, нужно начать с того, что я не исследователь и не социолог. Я не столько буду говорить о сексуальной революции, и тем более не о сексуальной революции в России, сколько о значительном ускорении социокультурных изменений, которые связываются сегодня с понятием «68-й год». Конечно, речь идет о 68-м годе как кульминации процесса социально-культурных изменений на Западе и Востоке Европы, - когда что-то изменилось настолько, что уже невозможно было повернуть назад.

Хотелось бы начать с высказывания известного политолога Ивана Крастева, написавшего о напряжениях, которые выросли внутри сегодняшнего европейского Запада, или ЕС, и которые Крастев прямо связывает с символическим годом - 68-м. Он попытался это показать на примере разделенной Германии и заметил, что западные немцы в 68-м году

стали более космополитическими, восточные - более мнительными и недоверчивыми.

Действительно, 68-й год в прямом смысле усилил разные векторы развития общества на Западе Европы и на Востоке Европы (имея в виду социалистические страны Центральной и Восточной Европы).

Потом произошли изменения, Перестройка, социалистический блок развалился. И с тех пор долгое время эти различия были скрыты за фасадом осмысления произошедших изменений и адаптации людей к новой жизни. Но в 1989-м году (цитирую Крастева) началась некая эра имитации. Тогда от восточноевропейских обществ, которые «освободились от коммунизма», ожидалось, что они будут имитировать институты, быт, поведение и ценности тогдашнего Запада. И по поводу этого существовало, в принципе, согласие внутри самих восточноевропейских и средневропейских обществ.

Последние 25 лет, между старым Западом и частично новым Западом конечно, существовали асимметричные отношения. И постепенно не только в России и бывшем Советском Союзе, но и в восточноевропейских, средневропейских, центральноевропейских странах, начались процессы, которые, как очень долго было принято думать, считались реакцией людей, которые проиграли в процессе посткоммунистической трансформации. Так в России думают очень многие. Однако поляки, например, очень успешно трансформировались и трансформируются, по крайней мере в экономическом смысле. И все равно скептическое отношение к ЕС у них выражено очень сильно.

Люди в этих обществах не говорят сейчас: мы не хотим быть европейцами. Но они говорят: не только вы, на Западе Европы, но и мы, на Востоке Европы, знаем, что такое европейцы. В отличие от этого российская реакция другая: мы не хотим быть европейцами, потому что *вы* решаете, что такое быть европейцами. Структурно эти реакции очень похожи.

В 89-м и 90-м годах в Восточной Европе и в Советском Союзе шел процесс самоосвобождения. Тогда у Восточной Европы и у России была однозначная цель – одни (Восточная Европа) хотели выиграть, другие (Россия) хотели стать частью Запада, каким он был до Второй мировой войны. Внутри этих целей есть два главных обещания. Первое – это обещание свободы. Второе – это обещание экономического и социального благополучия. Оба этих обещания - и свобода, и благополучие - имеют предпосылки и побочные эффекты.

То, с чем мы сегодня сталкиваемся – побочные эффекты, которые очень сильно связаны с 68-м годом. Как раз на этом я хочу становиться. Старый Запад в 60-е годы или в 68-м году пошел на ускоренный режим модернизации. Она не была *только* экономическая или социальная или сексуальная или культурная. Все эти виды модернизации взаимосвязаны. Но советский социалистический Восток не был в состоянии следовать за модернизационным прорывом Запада. Впоследствии Восток Европы отстал двояко. Я понимаю это как аргумент по сути и как моральное суждение. На капиталистическом Западе происходило огромное ускорение социальной революции, в результате чего изменились, во-первых, отношения между государством и индивидуумом, во вторых, это отношения между женщинами и мужчинами. Эти отношения принципиально начинали меняться.

Этот опыт 68-го года имеет два ракурса, которые связаны с Западом и Востоком. И то, что люди на Западе смогли добиться ускорения, демократизации и получить больше свободы, произошло только за счет того, что они *уже* жили в гораздо более демократическом государстве и обществе, чем они сами предполагали и утверждали.

На Востоке как раз было наоборот. Тут была очень демократическая идеология, эти общества не были в точном смысле посттоталитарными.

Но 68-й год – это еще время мужчин. В Германии феминистское движение, которое связано с 68-м годом, начиналось тем, что одна женщина

на большой общегерманской конференции в 68-м году бросала помидоры на подиум, исключительно на мужской пол...

Но, говоря о различиях Востока и Запада Европы, я хотел бы обратить внимание не на изменение положения женщин, а на изменение роли мужчин. Потому что здесь кроется самое главное различие, которое я сегодня вижу между западным и российским обществом. То, что женщина из объекта стала субъектом, произошло на Западе в большей степени, чем на Востоке. В то же время на Востоке Европы и в России тоже произошло очень сильное и заметное изменение женской роли.

Проблема же заключается в том, что на Востоке Европы и в России мужчины почти не изменились. Напротив, на Западе они изменились очень сильно. Вынужденно, не очень добровольно, но они изменились. И это довольно новое явление на Западе, которое связано и с новым поколением мужчин. Если посмотреть на героев 68-го года, поведение этих мужчин было еще очень традиционным. Сейчас это уже далеко не так. Что же касается России, то рекомендую прочесть своего рода программную статью Владислава Суркова «Валентинка в багровых тонах» <http://ruspioner.ru/honest/m/single/5725> О чем говорит в ней этот известный автор?

Он говорит, что Запад деградирует, и показателем этого является то, что у власти там находятся женщины. Потому что женщины всегда идут во власть во времена упадка: «Политические системы призывают женщин, когда выдыхаются после бурного роста и достигают в своем развитии поздней, терминальной стадии». Но, утверждает Сурков, мужчины более умные и потому, когда все разваливается, они отступают в тень, чтобы обдумать то, что будет потом: мужчины «заняты настоящим мужским делом - изобретают и конструируют новую реальность, пока их спутницы управляют устаревшей. Женщинам они передали то, что сочли бесполезным – отдали руль выработавшей ресурс, сломанной политической машины,

которая уже не едет и не везет». Очень показательная статья. Рекомендую к прочтению. Потому что эта статья ясно показывает, какие причудливые построения способен произвести ум, когда он несмотря ни на что продолжает сопротивляться очевидным изменениям.